

Доктор Джеймс С. Шпигель, Христианская этика, Сессия 3, Утилитаризм

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 3, Утилитаризм.

Хорошо, давайте начнем наш обзор основных моральных теорий, и начнем с Утилитаризма.

Два самых выдающихся философа, когда дело доходит до истории утилитаристской мысли, — это Джереми Бентам и Джон Стюарт Милль. Бентам был фактически основателем современной утилитаристской мысли, и Джон Стюарт Милль, чей отец был хорошим другом Джереми Бентама. Вероятно, Милль — самый известный ученый, защищавший утилитаризм.

Это теория, которая восходит к древнему философу Эпикуру, который был своего рода гедонистом. Гедонизм — это точка зрения, что высшее благо для людей — это удовольствие, и что мы должны максимизировать удовольствие для себя и для других. Утилитаристская разновидность гедонизма, впервые разработанная Бентамом, утверждает центральное утверждение, что счастье, человеческое счастье, — это самая приятная жизнь.

Итак, Бентам, как и Эпикур, считал, что лучший подход к этике — признать, что удовольствие — это моральный стандарт. Это объективный факт. Мы переживаем вещи, которые приятны и болезненны.

Мы испытываем целый спектр различных видов удовольствий, а также боли. Поскольку это то, что универсально желаемо, каждый хочет удовольствия и хочет иметь приятную жизнь, и это кажется многообещающим стандартом для морали. Что, если бы каждый стремился максимизировать удовольствие для наибольшего числа людей? Разве это не привело бы к наиболее счастливой жизни для большинства людей? Это основная интуиция утилитаризма.

Классический утилитаризм, как его часто называют, или утилитаризм действий, применяет этот стандарт к каждому отдельному действию или политике, которые мы могли бы рассмотреть для одобрения или проведения. Итак, это утверждение, которое делает Джереми Бентам, заключается в том, что мы должны оценивать каждое действие в соответствии с тем, что он называет принципом полезности, который, по его словам, является принципом, который одобряет или не одобряет каждое действие в соответствии с тенденцией,

которую оно, по-видимому, имеет, увеличивать или уменьшать счастье. Так что это базовая идея.

Одной из самых сильных сторон теории утилитаризма является то, что ее легко понять. Это очень легко понимаемая теория. Мы рассмотрим некоторые другие теории, Канта, этику добродетели, теорию общественного договора, естественное право и т. д., которые могут иметь более сложные концепции.

Но что может быть проще этого? Действуйте так, чтобы способствовать удовольствию и счастью, верно? Старайтесь избегать вещей, которые причиняют боль, и старайтесь не причинять боль другим людям. Это основная идея. Итак, важной отличительной чертой утилитаризма Бентама является то, что он утверждает равное внимание ко всем.

Любому, любому существу, не только людям, но и любому разумному существу, которое может испытывать удовольствие и боль, нужно уделять должное внимание, верно? И ни одно человеческое удовольствие или боль не важнее, чем чьи-либо еще. Так что здесь есть очень эгалитарный вид обязательства. И это также привлекательно для многих из нас.

Итак, утилитаризм Бентама отличается от, скажем, древнего гедонизма Эпикура тем, что он разработал то, что называется исчислением удовольствия-боли. Теперь он живет в современный, ранний современный период, когда наука набирает силу, и ученые открывают полезность математики для понимания нашего мира, верно? Итак, Бентам решил, что это может быть очень полезно, когда дело доходит до размышлений об этике. И давайте сделаем это настолько научным, насколько это возможно.

Поэтому он разрабатывает исчисление удовольствия-боли, которое оценивает удовольствие или боль от каждого действия по ряду критериев. И их семь. Один из них — интенсивность, где мы спрашиваем, насколько сильно ощущение. Насколько интенсивны боль или удовольствие? Продолжительность: как долго длится удовольствие или боль? Уверенность: насколько вероятно, что выполнение действия вызовет боль или удовольствие? Близость — это слово, которое мы нечасто слышим, но оно связано с тем, насколько близко по времени последует удовольствие или боль.

Как скоро это произойдет? Плодовитость — еще один необычный термин, который просто имеет отношение к тому, приведет ли в данном случае удовольствие или боль к другим видам удовольствий или боли или же рассматриваемый акт приведет к другим видам удовольствий и боли. Чистота, будь то удовольствие или боль, смешана с противоположным ощущением. Будет ли это в основном приятным, но также и несколько болезненным, или

наоборот? Или это полностью приятно или полностью болезненно? Затем, масштаб проблемы связан с количеством людей, которые будут затронуты.

Бентам считал, что можно в принципе присвоить числовые значения, положительные или отрицательные, каждой из этих категорий, когда вы обдумываете, является ли правильным принятие определенного курса действий. Предположим, мне нужна книга для курса, который я собираюсь посетить. Сейчас я не могу себе этого позволить, поэтому я думаю о том, чтобы украсть текст у соседа.

Это смс за 70 или 80 долларов. Будет ли это уместным? Ну, для меня это вызовет немного удовольствия. Надеюсь, моя совесть будет так плоха, что она будет меня сильно беспокоить.

Это болезненно. Это определенно причинит боль кому-то другому, которая продлится определенный период времени. Определенно, они испытают эту боль немедленно, а затем, в какой-то степени, и в долгосрочной перспективе.

Даже если они переживут это в течение нескольких дней, это будет беспокоить их. Это, вероятно, приведет к другим страданиям. Когда другие люди узнают, что книга этого человека была украдена, это будет беспокоить их психологически.

Даже мое удовольствие будет смешано, надеюсь, опять же, если у меня есть совесть, с некоторой долей боли, зная, что это беспокоило многих людей. Степень, в которой применяется этот седьмой критерий, существенна. Люди узнают об этом.

Должно быть ясно, что я не должен красть книгу этого человека. Это причинит много боли, много психологического дискомфорта многим людям. Это не принесет мне большого удовольствия.

Наверное, мне стоит просто купить книгу или взять ее взаймы, взять в библиотеке или что-то в этом роде. Это довольно простой случай, но тот же самый расчет удовольствия-боли можно применить к гораздо более сложным моральным проблемам. Вот где, по мнению Бентама, это действительно самый многообещающий путь, который у нас есть для открытия моральной истины.

Опять же, мы возвращаемся к эгалитаризму в плане применимости полезности этого исчисления для измерения удовольствий и страданий и определения общего счастья. Мы можем применить это и к животным, что во времена Бентама не было бы очень интересно или не представляло бы большого беспокойства для очень многих людей. Но для тех из нас, кто сегодня, мы признаем, что благополучие животных — это важная вещь.

Любой, у кого было домашнее животное, знает, что кошка, собака, коза, курица или корова чувствуют боль; они испытывают боль и удовольствие, и поэтому они заслуживают определенного уважения. Теперь, с христианской теологической точки зрения и библейской точки зрения, мы знаем, что только люди созданы по образу и подобию Бога. Таким образом, ценность животного намного меньше, чем ценность человека, но они тем не менее ценны, и их боль и их удовольствие имеют значение.

Итак, одним из активов или сильных сторон утилитаристской теории является то, что в ней есть место для рассмотрения животных, их боли и удовольствия, и признания того, что нам необходимо иметь какое-то моральное уважение к ним. Так много людей указывают на Бентама как на исторического истока того, что мы называем движением за права животных или движением за благополучие животных сегодня. Говоря о животных, одно из главных критических замечаний утилитаристской теории заключается в том, что это доктрина, достойная свиней.

Утверждать, что у людей нет высшего блага, чем удовольствие, ставит нас на один уровень, скажем, со свиньей, верно, чьи удовольствия в жизни включают в себя еду, совокупление и валяние в грязи. Что же свиньи находят приятным? Знаете, это грубые удовольствия, такие как это. Конечно, люди находятся на более высоком уровне, чем животные, и философы обычно это признают.

Но чтобы определить человеческое благо как просто вопрос удовольствия, многие утверждали во времена Бентама и Милля, что это действительно унижает людей. Так Джон Стюарт Милль, который был преемником Бентама в качестве главного философского сторонника утилитаристской теории, критиковал или отвечал на это возражение, говоря, что сама критика представляет человеческую природу в унижительном свете, поскольку она предполагает, как он выразился, что люди не способны ни на какие удовольствия, кроме тех, на которые способны свиньи. Но факт в том, что у людей есть более высокие удовольствия, качественно превосходящие удовольствия.

Почему? Потому что у нас более высокие способности. У нас есть когнитивные способности, которых нет у свиней, которых нет у других млекопитающих. У нас есть эмоциональные способности и способности к отношениям, которых нет у этих животных.

И это должно быть как-то встроено в эту теорию. И поэтому Милль защищал то, что с тех пор называется качественным гедонизмом, который является шагом вперед по сравнению с версией теории Бентама. У нас есть эти другие виды

удовольствий, не только удовольствия ощущений, но также удовольствия интеллекта, эмоций, воображения и даже моральные удовольствия.

Мы получаем своего рода радость и удовлетворение от того, что видим, как вершится правосудие. Ни одна собака этого не испытывает. Ни одна собака не получает удовольствия от шахматной партии.

Я люблю играть в шахматы. Мне нравятся и некоторые другие игры, например, Settlers of Catan или покер. Это интеллектуальные удовольствия, интеллектуальное удовольствие от чтения книги и просмотра хорошего фильма.

Насколько бы ни была умна моя собака Остин, она не может испытывать удовольствия от шахмат, настольной игры или покера. Итак, это более высокие удовольствия, которые есть у людей, чем у животных. Это поднимает вопрос о том, как узнать, какие удовольствия качественно превосходят другие удовольствия. Качественный тест Милля здесь заключается в том, что, как он говорит, из двух удовольствий, если есть одно, которому все или почти все, кто испытал оба, отдадут решительное предпочтение, независимо от какого-либо чувства морального обязательства предпочесть его, то это более желаемое удовольствие.

Итак, вот как мы можем решить, какие удовольствия лучше или превосходнее других. Если вы спросите меня, что является высшим удовольствием, удовольствие от чтения книги Достоевского или от поедания тарелки спагетти, таких же вкусных, как, скажем, спагетти моей жены, это не сравнится с удовольствием, которое я получаю от чтения «Братьев Карамазовых». Это высшее удовольствие.

Чтение поэзии вместо видеоигры. Я получаю много отпора от студентов по этому поводу. Но я бы сказал, что высшее удовольствие, если поэзия превосходна, поэзия Джона Донна или Уильяма Шекспира, будет более значимым удовольствием, чем любое удовольствие, которое вы можете получить, играя, скажем, в Grand Theft Auto или какую-нибудь видеоигру.

Итак, люди, которые испытали оба вида удовольствий, будут постоянно давать такие ответы. Милл говорит, что именно так вы узнаете, какие удовольствия лучше. Поэтому Милл говорит, как он выражается, что лучше быть неудовлетворенным человеком, чем удовлетворенной свиньей.

Лучше быть недовольным Сократом, чем довольным дураком. И если дурак или свинья придерживаются другого мнения, то это потому, что они знают только свою сторону вопроса. Существует ряд факторов, касающихся человеческого опыта, таких как наш интеллект и наши эмоции, и даже когда мы чувствуем себя

плохо, это качественно более высокое состояние, просто потому, что у нас есть эти более высокие способности.

Теперь, это может быть спорным или даже противоречивым в определенных кругах, чтобы сделать это утверждение о превосходстве людей. Это была точка зрения Милля. Но его главная мысль здесь в том, что есть определенные виды удовольствий, которые превосходны просто из-за своего качества.

Теперь, возражение, которое некоторые здесь высказывают, таково: как быть с людьми, которые говорят «нет, спасибо» высшим удовольствиям, а затем стремятся к удовольствиям низшим? Что вы скажете о людях, которые просто проводят все свое время за видеоиграми и вообще не читают книг? Их даже не интересуют отличные фильмы. Или людей, которые просто едят вредную пищу и говорят «нет, спасибо» изысканной кухне. Не интересно.

Я бы лучше снова съел свой бургер из фастфуда и картошку фри. Есть множество примеров людей, которые предпочитают эти низшие удовольствия высшим. Что на это скажет Милл? Он говорит, что это демонстрирует определенную слабость характера.

Потеря способности наслаждаться высшими удовольствиями или, по крайней мере, потеря способности ценить высшие удовольствия такими, какие они есть, из-за зависимости от низших удовольствий. Можно пристраститься к газировке, фастфуду, картофельным чипсам, шоколадным батончикам, всем видам сладкой пищи. Иногда в продуктовом магазине я вижу, как люди покупают огромные количества Mountain Dew и всевозможных чипсов и сырных шариков и всего такого и говорят: «Ого, они действительно пристрастились к этой нездоровой пище».

Милль сказал бы, что это слабость характера. Это, мол, человеческая натура. Мы склонны ко всякого рода зависимостям.

Проблема в нас в этом случае. Это не проблема его теории или его взгляда. На самом деле, более высокое удовольствие должно быть предпочтительнее, и если мы предпочитаем эти более низкие удовольствия, проблема в нас, а не в его теории.

Ему есть что сказать о удовлетворенной жизни и о том, что значит быть по-настоящему счастливым человеком. Две основные составляющие удовлетворенной жизни — это волнение и спокойствие. Счастливая жизнь, сбалансированная, счастливая жизнь будет той, которая характеризуется в основном спокойствием, вы знаете, миром и гармонией в нашей жизни с редкими переживаниями волнения.

Вам не нужно слишком много волнения в вашей жизни. Ваша центральная нервная система не может этого выдержать. Вы хотите в основном спокойствия, минимальной боли, а затем периодов волнения.

Две основные причины неудовлетворенной жизни, говорит он, это эгоизм и отсутствие умственного развития. Это интересный анализ. Проблема с людьми, которые неудовлетворены в большинстве случаев, или во многих случаях, сказал бы он, в том, что они эгоистичны.

Они не заботятся о нуждах других людей так, как следовало бы, и не развивают себя когнитивно. Они не развивают свой разум так, как следовало бы. Если вы делаете и то, и другое, вам точно не будет скучно, и вы найдете удовлетворение в своей жизни.

Он говорит, что развитый ум, ум, наученный упражнять свои способности, находит источники неисчерпаемого интереса во всем, что его окружает. И разве это не правда? Люди, которые начитаны и очень хорошо разбираются во всевозможных темах, найдут больше стимулов в своей повседневной жизни и опыте, чем люди, которые таковыми не являются. Если у вас больше интересов, то вам гораздо меньше будет скучно.

И это делает вас более полезными для других людей. Он говорит, что определенный уровень ментальной культуры, достаточный для осмысленного размышления о мире, должен быть наследием каждого, кто родился в цивилизованной стране. Поэтому он очень подчеркивает важность образования для того, чтобы сделать людей счастливее и удовлетвореннее.

Он считает, что ментальная культура — лекарство от социальных недугов. Милль был очень уверен, как и многие ученые в современный период, что в конечном итоге мы сможем решить проблему бедности. Мы можем устранить все болезни.

Это две основные проблемы, с которыми она сталкивается. Он говорит, что бедность, граничащая со страданием, может быть полностью уничтожена мудростью общества в сочетании со здравым смыслом и предусмотрительностью отдельных людей. Даже болезнь в конечном итоге может быть побеждена благодаря прогрессу медицины и научных технологий.

Интересно отметить, что со времен Милля, похоже, что мы, ну, мы, по крайней мере, идентифицировали, знаете ли, сотни болезней больше, чем было известно во времена Милля. Теперь мы знаем, что просто из-за того, как вирусы работают и мутируют, вирусные инфекции и вирусные заболевания размножаются из года в год. Так что мне интересно, был бы Милль таким

оптимистом относительно возможности устранения всех болезней, если бы он знал то, что мы знаем сегодня об эпидемиологии.

Так что это в основном утилитаристская теория, выдвинутая Бентамом и Миллем. Каждый человек должен действовать всегда так, чтобы максимизировать удовольствие для всех, на кого влияют его действия. Это своего рода основная идея здесь.

И если бы все так делали, то люди были бы так счастливы, как мы можем быть счастливы в этом мире. Это остается очень влиятельной, возможно, самой популярной философской моральной теорией. Так в чем же проблемы этой теории? Против утилитаризма было выдвинуто несколько серьезных критических замечаний.

Одной из них является проблема применения. Как мы можем знать наверняка, какими будут последствия данного действия? Если я решу выполнить действие, как это повлияет на людей? В какой степени люди испытают удовольствие или боль в результате этого? Проблема в том, что как люди мы не всеведущи, верно? Мы не знаем наверняка, как все пойдет. Даже во многих случаях, когда мы думаем, что результат достаточно предсказуем, мы оказываемся неправы.

О, я этого не ожидал. Если бы я знал, что так будет, я бы этого не сделал. Сколько раз мы это говорили? Если бы я только знал.

Так что мы не только не можем предсказать будущее, но и имеем очень ограниченное представление о настоящем и прошлом. Но утилитаризм зависит от нашей способности судить о том, что мы пережили до сих пор, какими будут результаты данного действия. Теперь Милль говорит в ответ на это, что мы достаточно узнали из предыдущего опыта, что, по большей части, мы можем предсказать, какими будут результаты относительно конкретного выбора.

Ну, это может быть правдой, но опять же, как мы все испытали и из-за ограничений нашего понимания относительно этой конкретной ситуации, в которой я нахожусь, наши прогностические способности очень ограничены, и они подвержены ошибкам. Поэтому будущее или перспективный взгляд порой очень трудны, особенно когда это касается спорных вопросов. Так что в этом и заключается проблема с приложением.

Другая проблема — проблема справедливости. Итак, утилитаризм зависит от дальновидности, и это сложно. Это проблема применения.

Проблема справедливости возникает, потому что утилитаризм смотрит только вперед, и потому что он смотрит только вперед, это консеквенциалистский тип теории. Это теория, которая судит о правильном и неправильном на основе

последствий действий. Поскольку она смотрит только вперед, она фактически сталкивается с проблемами несправедливости в том смысле, что, кажется, она может допускать несправедливые действия и политику, которые, по-видимому, могут быть оправданы, по крайней мере на местном уровне, потому что могут быть ситуации, когда несправедливость приносит больше удовольствия, чем боли.

Итак, это классическая критика утилитаристской теории, которая могла бы, при определенных обстоятельствах, оправдать рабство. Итак, когда я преподаю эту тему в определенном классе, скажем, из 30 студентов, я иногда спрашиваю, празднует ли кто-нибудь день рождения на этой неделе или в течение следующих двух недель, и обычно поднимается одна, может быть, две руки. В классе из 30 человек, хорошо, поднимаются две руки, и это Джо, и это Джейн, и то, что я только что сделал, чтобы заставить их поднять руки, я выбрал наших рабов очень случайным образом.

Когда у них дни рождения, это как раз случайность, и они будут нашими рабами в этом сообществе из 30 человек, и они будут готовить, они будут стирать, они будут следить за тем, чтобы наши машины работали исправно, вы знаете, следить за тем, чтобы масло было заменено в каждой из наших машин, они будут решать различные проблемы на нашей территории, например, менять лампочки и так далее. Вот что они будут делать, по 10 часов в день каждый день, и мы дадим им отдохнуть в воскресенье днем, скажем, с обеда до ужина; это будет их небольшой передышкой от того, что в противном случае было бы постоянным трудом. Но мы позаботимся о том, чтобы их нормально кормили, у них будут приличные спальные помещения, чтобы они не испытывали боли весь день, они много работают, но вы знаете, что и все остальные из нас много работают, просто они предназначены работать на нас.

Итак, они наши слуги, и это делает их рабами. Теперь, будет ли это производить больше удовольствия, чем боли в этом сообществе? Ну, многие будут утверждать, что на самом деле да, потому что если бы мы провели своего рода расчет удовольствия-боли, общая ценность удовольствия улучшилась бы для всех нас. Господи, если бы мне не нужно было беспокоиться о моем белье, это было бы здорово.

Мне не нужно беспокоиться о приготовлении собственной еды, это было бы здорово. Я оцениваю это по шкале от 1 до 10 плюс 3, 4 или 5. И если все остальные люди, остальные 28 человек в нашем сообществе, вынесут такое же суждение, вы знаете, это довольно благоприятно скажется на прорабовладельчестве в этой ситуации. Сколько боли это причиняет этим двум рабам? Ну, хорошо, скажем, это существенно, и это просто ежедневный труд и отсутствие, вы знаете, захватывающей личной жизни.

Думаю, они все равно могли бы выходить ночью. Мы могли бы сказать, да, вы можете вести светскую жизнь вечером после того, как вы закончили ужинать и помыли всю нашу посуду. Так что они это получают, и мы относимся к ним по-доброму, верно? Опять же, они одеты, они сыты, достаточно отдохнувшие, но это все равно будет негативным.

Может быть, скажем, это минус 7, 8, 9, даже 10 для каждого из них. Это все равно будет более чем компенсировано всеми удовольствиями, которые испытывают все остальные из нас. Так что по этой причине утилитарист мог бы, на самом деле, утилитаристы выступали в защиту рабства на протяжении многих лет.

Но если вы верите, что рабство несправедливо, как вы, надеюсь, верите, вы признаете, что даже если здесь производится больше удовольствия, чем боли, это все равно проблематично, верно? Потому что вещи могут быть несправедливыми и нарушать права человека, так что максимизация удовольствия и минимизация боли не имеет значения. Но утилитаризм слеп к этому, потому что он только о максимизации удовольствия. Он заботится только о последствиях.

Она не заботится о справедливости и правах. В этой теории нет места для соображений о справедливости и правах. Это еще одна важная проблема, которая была подчеркнута в утилитаристской теории.

Проблема прав, если говорить об этом, хорошо проиллюстрирована в сценарии Peeping Tom. Утилитаризм не может адекватно объяснить, скажем, право на частную жизнь человека, которое нарушается кем-то, кто украдкой наблюдает за ним, скажем, через окно в его личные моменты. Если Peeping Tom очень ловок и может провернуть это так, что человек не знает, что за ним наблюдают, то Peeping Tom получает массу удовольствия, а человек, который здесь становится жертвой, не знает об этом.

Они не испытывают никакой боли. Так что с утилитарной точки зрения это кажется оправданным. Но, надеюсь, большинство из нас скажут, что это все равно неправильно.

Даже если последствия таковы, что человек испытывает больше удовольствия здесь, этого недостаточно, чтобы преодолеть проблему нарушения прав, вовлеченных здесь. Это, опять же, показывает серьезное ограничение утилитаризма, поскольку он уделяет внимание только последствиям, удовольствиям и страданиям. Он не уделяет должного внимания рассмотрению прав здесь больше, чем справедливости.

И, наконец, есть то, что называется проблемой требований. Если наша обязанность всегда максимизировать удовольствие и минимизировать боль в каждом случае, то требования к нам как к морально серьезным людям становятся непосильными. Это значит, что нам с вами нужно останавливаться, чтобы помочь каждому человеку, которого мы видим на обочине дороги, у которого проблемы с машиной.

Это значит, что нам с вами нужно использовать только определенное количество одежды и другого имущества, которое необходимо нам для достойной жизни. Мы должны отдать остальное бедным. Мы должны отдать любой расходуемый доход бедным.

Все наше свободное время в любой день не должно быть потрачено на досуг, когда мы можем максимизировать удовольствие и уменьшить боль других людей. Это значит, что мы не должны тренироваться играть на музыкальном инструменте. Подумайте обо всех сотнях, тысячах часов, которые тратит тот, кто получает классическое образование пианиста или виолончелиста, которые можно было бы потратить на работу в столовой или помощь бедным каким-либо образом.

Становится безответственным развивать серьезный атлетический талант или артистический талант. Это проблема для утилитаризма, потому что большинство из нас сказали бы, надеюсь, что это морально приемлемо — тренироваться, чтобы стать хорошим музыкантом или хорошим спортсменом, даже если эти вещи не являются необходимыми для человеческой жизни и выживания. Утилитарист, по крайней мере, подразумевает, что эти вещи не были бы ответственными, потому что они не максимизируют нашу способность содействовать удовольствию и уменьшать боль.

Поскольку это настолько неразумно, многие ученые определили это как серьезную проблему утилитаризма. Проблема здесь, которая является своего рода корневой трудностью, заключается в том, что есть что-то, что приводит к этому выводу с утилитаризмом. Он не проводит адекватного различия между обязательными и сверхдолжными действиями.

Это различие между тем, что мы обязаны делать, и теми вещами, которые, с другой стороны, хороши, но не обязательны. Они выше и за пределами долга. Вот что такое сверхдолжные действия.

Они выше и за пределами долга. Утилитаризм не проводит адекватного различия, и это приводит к этой проблеме требований. Итак, это четыре основные проблемы классического утилитаризма.

Другая версия утилитаризма, известная как утилитаризм правил, направлена на преодоление этих проблем и как раз может это сделать, когда дело доходит до проблемы применения, проблемы справедливости и, возможно, проблемы прав. Подход, который предлагает утилитаризм правил, заключается в том, что мы не должны принимать наши моральные решения, сосредотачиваясь на индивидуальных действиях. Скажем так, давайте не будем оценивать индивидуальные действия с помощью принципа полезности.

Вместо этого давайте оценим правила и общие правила жизни и оценим эти правила по тому, приведут ли они, если им следовать, к большему удовольствию, чем к боли. Это утилитаристская идея правил. Живите по тем правилам, которые, если им следовать, приведут к наибольшему удовольствию для наибольшего числа людей.

Итак, это теория, которая фактически была защищена. Были защищены различные версии этой теории, многие из которых попадают в общую категорию этики общественного договора. И мы поговорим о теории общественного договора позже.

Сторонник общественного договора говорит, что мы должны организовать все общество таким образом, чтобы были определенные основные правила, которые мы все должны соблюдать, и мы просто выбираем те правила, которые, если им следовать, максимизируют удовольствие в обществе. Мы живем в таком обществе. У нас есть общественный договор, и он называется Конституция США.

У нас есть Билль о правах, и там просто прописаны всевозможные правила, которые наши отцы-основатели решили, что если мы организуем наше общество соответствующим образом, это даст нам наилучшие шансы на всеобщее счастье. Так что это своего рода применение утилитаризма правил. Но есть и другие формы.

Но позже, в отдельной лекции, мы поговорим об этике общественного договора. Но на этом утилитаризм заканчивается.

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 3, утилитаризм.